

“После полутора лет моего молчания с не-
удержимой силой во мне загорелись новые твор-
ческие замыслы... Замыслы эти широки и силь-
ны, и я прошу Правительство дать мне возмож-
ность их выполнить. С конца 1930 года я хвораю
тяжелой формой нейрастении с припадками
страха и предсердечной тоски, и в настоящее
время я прикончен. Во мне есть замыслы, но фи-
зических сил нет, условий, нужных для выполне-
ния работы, нет никаких. Причина болезни моей
мне отчетливо известна”, — писал Михаил Булга-
ков Иосифу Сталину. На днях в издательстве
“Вагриус” выходит уникальная книга — “Дневник
Мастера и Маргариты” — Михаила Афанасьевича
Булгакова и его жены Елены Сергеевны.

За возможность читать дневник писателя мы
должны благодарить архивариусов КГБ. Оригиналы
дневников 1921—1925 годов не сохранились. В мае
1926 года сотрудники ОГПУ изъяли в ходе обыска у
писателя дневник и рукопись “Собачьего сердца”. В
течение четырех лет Булгаков обращался к различ-
ным партийным руководителям с просьбой вернуть
их. Дневники вернули, но дальнейшая их судьба не-
известна. Есть основания полагать, что Булгаков их
собственноручно сжег в 1930-м вместе с черновика-
ми “Мастера” и “Театрального романа”. Что и следу-
ет из “Письма Правительству СССР” от 28 марта 1930
года: “И лично я, своими руками, бросил в печку чер-
новик романа о дьяволе, черновик комедии...” Но в
КГБ сохранилась фотокопия дневника, по которой и
был восстановлен текст.

“Я каждый день ухожу на службу в этот свой “Гу-
док” и убиваю в нем совершенно безнадежно свой
день. Жизнь складывается так, что денег мало, живу
я, как и всегда, выше моих скромных средств. Пью
и ешь много и хорошо, но на покупки вещей не хвата-
ет. Без проклятого поила — пива не обходится ни
один день. И сегодня я был в пивной на Страстной
площади с А.Толстым...”

После того как сотрудники органов отобрали у
писателя дневник, он решил больше не фиксировать
на бумаге свои мысли и ощущения от жизни. Этим
стала заниматься Елена Сергеевна Булгакова. “Миша
настаивает, чтобы я вела этот дневник. Сам он... дал
слово никогда не вести дневника. Для него ужасна и
непостоянна мысль, что писательский дневник может
быть отобран”. Елена Булгакова — вплоть до послед-
них дней Мастера ежедневно делала записи.

ИЗДАНЫ ДНЕВНИКИ ЗАГНАННОГО ВОЛКА

Рукописи Мастера и Маргариты не горят

Москва, комсомол, май 1930-г. Взял в 1930-г. З.

Дневник и письма ценнее всяких литературо-
ведческих трудов. Вот одна из тем — Сталин и Булга-
ков. Сталин считал, что Булгаков талантлив, ему нра-
вились “Дни Турбиных”. И при этом мечтой вождя бы-
ло сломить волю творца и сделать его советским
прозаиком. Булгаков же отправлял вождю свои про-
изведения и сопровождал их такими обращениями:
“Многоуважаемый Иосиф Виссарионович! Около по-
лутора лет прошло с тех пор, как я замолк. Теперь,
когда я чувствую себя очень тяжело больным, мне хо-
чется просить Вас стать моим первым читателем...”

Незадолго до смерти Булгаков написал Вере-
саеву: “Дорогой Викентий Викентьевич, сейчас полу-
чил Ваше письмо и завтра принесу Вам мой долг...
Очень прошу извинить меня за то, что задерживался
до сих пор: все время ничего не выходит. Недавно
подсчитал: за 7 последних лет я сделал 16 вещей, и
все они погибли, кроме одной, а та была инсцениров-
ка Гоголя! Наивно было бы думать, что пойдет 17-я
или 19-я. Работаю много, но без всякого смысла и
толка. От этого нахожусь в апатии”.

И еще: “На широком поле словесности россий-
ской в СССР я был один-единственный литературный
волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый со-
вет. Красенный ли волк, стриженный ли волк, он все
равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с
волком. И несколько лет гнали меня по правилам ли-
тературной сади в огороженном дворе. Злобы я не
имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился.
Ведь и зверь может устать. Зверь заявил, что он бо-
лее не волк, не литератор. Отказывается от своей
профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малоду-
шие. Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если
замолчал, значит был не настоящим. А если настоя-
щий замолчал — погибнет”.

Игорь ПЕРЕВЕРЗЕВ.